

ПИТАННЯ ЛІНГВОКОНЦЕПТОЛОГІЇ ТА ЛЕКСИКОЛОГІЇ

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2018.30.154335>

УДК 811.161.1'373.7'282

АРЕФЬЕВА Наталья Георгиевна,

кандидат филологических наук, докторант кафедры русского языка, доцент кафедры языковой и общегуманитарной подготовки иностранцев Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; пер. Маяковского, 7, г. Одесса 65082, Украина; тел.: +38 095 866-32-87; e-mail: n.arefieva@onu.edu.ua ; ORCID ID: 0000-0002-4974-9157

РУССКИЙ ДИАЛЕКТНЫЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМ ЧЁРНЫЙ ВАЛ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Аннотация. *Целью* статьи является определение внутренней формы, этнокультурной значимости и путей возникновения русского диалектного фразеологизма *чёрный вал*, зафиксированного в корпусе фразеологизмов картотеки русских говоров Одесщины. *Предмет* исследования — этнокультурная информация, закодированная в данном фразеологизме. *Методологически* автор опирается на современные разработки и основные положения этнолингвокультурологии, фразеологии, диалектологии и когнитивной лингвистики. В основу исследования легло этнокультурное содержание компонентов фразеологизма. Привлекая данные близкородственных языков, прежде всего украинского, автор *заключает*, что диалектный русский фразеологизм *чёрный вал* является усечённой формой фразеологизма *чёрный вал на ногу наступит*, имеет восточнославянское происхождение и кодифицированные параллели в украинском языке. *Результатом* исследования стали также *выводы*, согласно которым внутренняя форма фразеологизма *чёрный вал* связана с сакральной и жертвенной символикой вола у древних славян. *Чёрный вол* у восточных славян символизировал негативные явления: горе, несчастье, неурожай и т. п. *Чёрный вол, наступивший на ногу*, ассоциировался также с незадавшейся семейной жизнью, а один из древнейших смыслов фразеологизма — подавление продуцирующей функции.

Ключевые слова: диалектный фразеологизм, русские говоры Одесской области Украины, этнокультурное содержание, культурный символ.

Постановка проблемы. Русские островные говоры Одесщины являются говорами позднего заселения. Интенсивное их изучение началось в начале 1950-х годов. Результатом многолетней работы нескольких поколений студентов и преподавателей кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова стал двухтомный Словарь дифференциального типа, включающий около 9000 лексем и 300 устойчивых сочетаний. Целенаправленно фразеология русских говоров Одесщины, однако, не изучалась.

Связь с предыдущими исследованиями. Н. И. Толстой призывает обратить внимание «на особый пласт словарного состава — на культурную терминологию преимущественно диалектного характера», подчёркивая, что «культурный термин ... обычно входит в ряд междиалектных синонимов, образующих определённую систему не только лингвистического, но и экстралингвистического — культурного (мифологического, ритуального и т. п.) порядка» [22, с. 13]. «Славянская филология только приступает к накоплению примеров слов, из которых развивались, “разворачивались” ритуальные действия и целые обряды», — отмечает учёный [22, с. 15]. Исследованиям диалектной фразеологии в этнолингвокультурном освещении посвящены работы С. М. Беяковой, Е. В. Брысиной, А. С. Данилевской, Л. А. Ивашко, А. А. Ивченко, В. И. Ковалёва, В. М. Мокиенко, К. Ничевой, Е. Н. Степанова, Н. И. Толстого, В. Д. Ужченко и других учёных.

Постановка исследовательских задач. Целью статьи является определение внутренней формы, этнокультурной значимости и путей возникновения фразеологической единицы (далее ФЕ) *чёрный вал*, зафиксированной в материалах картотеки диалектологических экспедиций студентов и преподавателей кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова в значении «горе, несчастье» и сопровождающейся иллюстрацией: *Кауда чёрный вал станить на ногу харашо, тауда ани пра иурушки забудуть* (с. Успенровка Саратовского района) [7 – КСРГО]. В процессе исследования мы применяли процедуры методов этнолингвокультурологического анализа, предполагающего этнолингвокультурную интерпретацию компонентов ФЕ, концептуальный и этимологический анализ, анализ словарных дефиниций, описательный и сопоставительный методы, методы интроспекции и ретроспекции, квантитативный метод и метод структурно-семантического моделирования.

Изложение основного материала. ФЕ *чёрный вал* не был включён в Словарь русских говоров Одесщины [14 — СРГО], хотя картотека, в которой мы его обнаружили, легла в основу этого словаря. Не был он также найден ни в одном из известных нам фразеологических словарей, в том числе диалектных. Данные национального корпуса русского языка дают лишь образцы свободного сочетания слов *чёрный* и *вал*. Вот иллюстрации, представленные в поэтическом корпусе: *Набегают чёрный вал с разбега, / Белой пены полосой повит, / На предел белеющего снега, — / И покорно стелется, разбит* (В. Я. Брюсов, Зимнее возвращение к морю, 1913). *И мрак небес, и гром, и чёрный вал / Любил встречать я с думою суровой, / И свисту бурь, под молнией багровой, / Внимать, как муж отважный и готовый / Испить до дна губительный фиал* (А. И. Полежаев, Чёрные глаза, 1834) [9].

Пытаясь решить вопрос о внутренней форме фразеологизма и путях его возникновения способом привлечения фразеологических данных родственных языков и, прежде всего, близкородственного украинского языка, функционирующего в непосредственном окружении с островными русскими говорами, нами были попутно проверены данные Словаря украинских говоров Одесщины [20] и Словаря диалектизм украинского языка А. А. Москаленко [12], учтены результаты исследований Е. Н. Степанова в области взаимодействия русской и украинской систем фразеологии [16; 17; 18; 19]. Результат был отрицательным. Однако в разных изданиях фундаментального Фразеологического словаря украинского языка под редакцией В. М. Белоноженко находим следующие ФЕ: *як (мов, наче* и т. п.) *чорний вил на ногу наступив* — ‘очень печальный, невесёлый’ (*перевод наш* — Н. А.): *— Чого ти, Дмитре, такий, наче тобі чорний вил на ногу наступив?* (Є. Гуцало) [25, с. 110]; *чорний вил на ногу наступив* кому — уст., шутл. ‘кто-либо женился и испытал все неприятности, связанные с жизнью в браке’ (*перевод наш* — Н. А.): *Він одружився і чорний вил на ногу наступив — хоч з хати тікай* [25, с. 129].

Приведённые данные дают основание утверждать, что зафиксированный в КСРГО фразеологизм *чёрный вал* является усечённой формой фразеологизма *чёрный вал станет (стал) на ногу* и заимствован из близкородственного украинского языка. В то же время, неясным остаётся вопрос о внутренней форме фразеологизма. Чтобы решить этот вопрос, обратимся к компонентному составу ФЕ.

В русской диалектной картине мира *вал* в одном из значений — ‘вол, кастрированный рабочий бык’ [13, т. 4, с. 19; 14, т. 1, с. 65]. В СРГО находим: *А эта бык халащённый, валам называют* (Ст. Некр.). *Большой бык — у нас вал* (Мирн.). *На нём пахают. Вал большой, харошый* (Мирн., Мур.) [14, т. 1, с. 65].

Слово *вал* в этом значении имеет общеславянское происхождение и, по-видимому, происходит от праславянского *valjati* ‘кастрировать’, подтверждением чему является и деривационный ряд данной лексемы. Так, *валух* в русских говорах Одесщины — ‘кастрированные домашние животные’, *валить* в одном из значений — ‘кастрировать’: *Валить кабана пашол* (Возн.) [14, т. 1, с. 66]. В Словаре русских народных говоров *валух* и *валух* в первом значении — ‘кастрированный баран или бык’; *валушок* уменьш.-ласкат. к *валух* (в 1-ом знач.): *Подкормили и зарезали валушка* (Дмитров. Орл., 1947. Орл., Курск.); *валушить* и *валушить* ‘холостить, кастрировать’; *валить* ‘холостить, кастрировать’: *Валить бычка* (Даль [без указ. места]. Слов. Акад. 1951 с пометой «обл.»); *валить* ‘холостить, кастрировать’ (Курск., 1900–1902. Слов. Акад. 1951 [с пометой «обл.»]); *валушить* ‘кастрировать’ [13, т. 4, с. 31, 36, 27, 30]. Ср. этимологические данные: укр. *вил* от псл. *volъ*, от псл. *valjati* ‘кастрировать’ [4, т. 1, с. 399].

Вол — одно из наиболее важных животных в жизни диалектоносителя, о чём свидетельствует широкая распространённость его лексических репрезентатов. Так, в Большом толковом словаре донского казачества находим целый ряд дериватов слова *вол*: *волдвник* ‘помещение для крупного рогатого скота’ и *волдвник* 1) ‘воловоий пастух’; 2) ‘работающий на волах’; *волдвница* ‘скотница’; *воловода* ‘верёвка, надеваемая на рога быка или коровы, являющаяся поводом’, *воловодитсья* ‘делать что-л. слишком медленно, медлить’ [1, с. 84], а также устойчивые сочетания *бороздённый (борознённый, бороздний, борозённый, борозднённый, бороздний) вол (бык)* — ‘бык, идущий в ярме по борозде’; *упряжной вол* — ‘рабочий вол’; *волдвий (бычий, бычий) глаз* — 1) ‘садовый цветок гаиллярдия’; 2) ‘круглый чёрный виноград’; *волдвий хвост* — ‘лекарственное растение *Aspodelus gamasus*’ [1, с. 52, 544, 106, 84]. ФЕ *волдвий глаз* во втором значении и *волдвий язык* ‘растение *Aspodelus gamasus*’ функционируют и в русских говорах юга Одесского области: *А волдвий глас прадавать возим* (Спас.). *Волдвий глас крупный, чорный, дюжы укусный* (Введ.) *Волдвий язык разлатый такой, летам цвтит* (Возн.) [14, т. 1, с. 92].

Не только в русской диалектной, но и в общенациональной фразеологической картине мира *вол* ассоциируется, прежде всего, с трудолюбием, подчас чрезмерным, что предполагает наличие большой физической силы и выносливости: *работать (трудиться) как вол* — ‘работать очень много, не покладая рук; очень напряжённо, интенсивно трудиться’ [23, с. 35; 6, с. 113]; *работать как бурый вол* — диал. (пск.) шутл. — в том же значении [6, с. 113]. В диалектах, однако, актуализируется и выносливость духовная. Ср. ФЕ *волдвье сердце* — ‘о крепком духом человеке’: *У каво крепкая сердца — хочь горя, хочь бида, а яму фсю равно. А нём гаварять, што у няво волдвья сердца* ((Тбн.) Каз.) [1, с. 84].

Тем не менее, объектность *вола*, лежащая в основе создания ФЕ, как правило, транслирует негативные коннотации и характеризует либо ленивого и бездеятельного человека, либо лжеца и пустомелю. Ср.: *вертеть вола за хвост* — ‘бездельничать’; *вертеть вола* — прост. неодобр. ‘говорить вздор, ерунду, утверждать заведомые нелепости’ [6, с. 113]; *вола вертеть (крутить)* — прост. ‘утверждать что-л. заведомо нелепое, вводить в заблуждение’ [Там же]. Ср. диал. *воловодити* — ‘бездельничать’: *С этим делам беда пряма, валавѡдит усѡ, валавѡдит да и тольки* (Возн.). *Валавѡдѡ зря врэмя* (Введ.) [14, с. 92]. То же находим и в украинских диалектах: *волам хвосты крутити* — пренебр. 1) ‘бездельничать’ (Луган., Михай., Новт., Прок.); 2) ‘выполнять примитивную работу’ (Прок., Свердл.); *гнати вола* — ‘говорить неправду’ (Антрац., Снеж.) [24, с. 99].

Широко известна медлительность *волов*, отображённая в устаревшей ФЕ *ехать на волах (на быках)* — народн. ‘ехать очень медленно, только шагом’: Волы как тягловая сила использовались для перевозок обозом соли, хлеба. Такие обозы шли медленно, что и стало основой оборота [6, с. 113]. Ср. также лексему *валѡвый*, очевидно, этимологически родственную слову *вал*: 1) ‘медлительный в работе, непроторный, нерасторопный; ленивый (о человеке)’: *Мужик-от валѡвый, примется за работу и не глядел бы на его* (Перм., 1856. Шенк. Арх). О животном: *Лошадь валѡвая, любит понужало, скоро на ей не уедешь* (Перм., 1856); 2) ‘толстый, неповоротливый (о человеке)’: *Валѡвый только, а так работать — то он, чѡ, ладно работает* (Кирен. Иркут., 1960). *Валѡвый говорят про толстого. Да он у нас валѡвый парень — не своротитъ-то. Женился, да баба-то валѡвая, какая-то шибко неразворотная* [13, т. 4, с. 29], а также *валѡться* ‘идти, двигаться очень медленно’ [13, т. 4, с. 27]. Подтверждением генетического родства лексем *вал* ‘вол’ и *валѡвый* ‘валовой’ могут, на наш взгляд, служить следующие примеры: *валовой* ‘предназначенный для всего скота, являющийся кормом всему скоту, не отборный’. *Валовое сено. Валовой корм* (Холмог. Арх., 1878). 2. ‘Находящийся на обычном корму, не откармливаемый на убой’. *Валовой бык. Валовой скот* (Холмог., Арх., 1878) [13, т. 4, с. 28].

Культурно значимым концептом является концепт *вол* в украинской национальной картине мира. Так, в Словаре устойчивых народных сравнений А. С. Юрченко и А. А. Ивченко находим 51 ФЕ. Актуализируются характеристики вола и, прежде всего, безропотность, покорность судьбе (*гнется як вѡл у ярмо, жде як вѡл обуха, тягне як вѡл воза*) при спокойном характере (*тихий як робочий вѡл*) и чрезмерном трудолюбии (*взяв як вѡл на роги, впрягтися як вѡл в ярмо, працює як чорний вѡл*), а также медлительность (*швидкий як вѡл у плузі*), молчаливость, бессловесность (*розмовляти як вѡл з волом*), бесталанность, неспособность к какой-либо деятельности (*спосібний (справний) як вѡл до корита, здібний як вѡл до корита, пасує як вѡл до корита*), неуклюжесть, неповоротливость (*повертається як вѡл*), глупость (*бовть як вѡл у калюжу, розумний як сто волів, дивиться як вѡл на нові ворота*), малоподвижность, лень (*лежить як вѡл, лїнвий як вѡл*), упрямство, капризный характер (*вести як вола за роги, крутить як вѡл дорогою, вперся як вѡл рогами*), громкий голос (*говорить як вѡл реве*), чрезмерная жадность к еде, отсутствие чувства меры (*допався як вѡл до браги, допався як вѡл до корита* во 2-ом знач.), упитанность (*ситий як чабанський вѡл*), большая физическая сила, здоровье (*здоровий як вѡл, дужий як вѡл*) [15, с. 25].

Вола — важный символ украинской культуры, опоэтизированный народным фольклором. В церковной литературе и народных колядках упоминается о волах, которые стояли над яслями с Христом-младенцем и дышали на него; покойника в последний путь везли на волах («*Ой везуть, везуть козаченька та сірими волами*», проклятье «*Щоб тебе волами возили!*»). Яркие примеры находим в классической украинской литературе: *Іде Марко з чумаками, / Ідучи співає, / Не постїша до господи — / Воли попасає* (Т. Шевченко) [5]. Само за себя говорит и название романа Панаса Мирного «Хіба ревуть воли, як ясла повні?».

Вол — не только один из важнейших символов восточнославянской (прежде всего украинской и русской) культурной традиции. Символика *вола* берёт своё начало в очень древних архетипических представлениях, когда крупный рогатый скот был связан с небесными силами, в частности — с грозowymi тучами и громом (вспомним очевидную связь деривационного ряда лексемы «вал / вол» с крупным рогатым скотом, домашней скотиной). В. В. Топоров, упоминая об обряде заклания быка в день Ильи-пророка у восточных славян, предполагает, что «связь быка с богом грозы восходит к древней общеиндоевропейской мифологии» [8, с. 168]. В Этнолингвистическом словаре «Славянские древности» под редакцией Н. И. Толстого находим следующее: *Говяда* — «крупный рогатый скот (быки, вола, коровы, телята), по народным представлениям, воплощение богатства, в мифической ипостаси — грозвые тучи, представляющие опасность для земных благ, урожая» [11, т. 1, с. 503]. Это подтверждается и так называемой «пограничной» фразеологией, в которой прослеживается устойчивая ассоциация «вол — гром». Ср. восточнославянские загадки: русск. *Крикнул вол на сто сѡл, на тысячу городов*, укр. *Стукотить, грукотить, черним волом, бовкуном; Заревів вѡл за сто миль, за сто гір*, бел. *Чорны вол раве на сто гор*, — в которых вол выступает символом грома [11, т. 1, с. 410; 5, с. 95–96]. Недаром в славянской народной традиции известен так называемый вол-«облакопрогонник», обладающий сверхъестественной силой и редко запрягаемый в ярмо. По народным верованиям, такие вола «во время грозы начинают рыкать, бить передними копытами и смотреть на тучи; затем они могут вылезти из ярма и исчезнуть в тучах, чтобы биться со змеями и

злыми небесными силами. Возвращаются такие В. «все в поту и с окровавленными рогами» (Гружа). В зап. Сербии считали, что особенно успешно с бурей и непогодой сражаются В.-близнецы (Ужице)» [11, т. 1, с. 410].

О сакрализации *вола* древними славянами свидетельствует и следующее: «За безропотность и тяжёлый труд на пользу человека болгары называют В. (*вола* — Н. А.) «ангелом», полешуки (в р-не Пинска) — «святой костью», а русины (в Закарпатье) считают самым чистым животным. В представлении славян на В. (*воле* — Н. А.), как и на быке или буйволе, «земля стоит» [11, т. 1, с. 409]. Широко известны и *воловьи праздники* у славян, самый распространённый из которых — День Св. Власия, у юж. славян — день Св. Феодора Тирона — всадника и защитника скота по восточной и южнославянским традициям (Тодорова суббота); среди менее известных — Св. Модест (18. XII, Фракия, Пиринская Македония), архангел Гавриил (19. VII, центр. Босния). В эти дни волов освобождают от работ, пекут сакральный хлеб («колач») и делятся с волами [11, т. 1, с. 410, 497].

Сакрализация вола, его жертвенность переплетались с ярко выраженной апотропейной символикой. Так, к примеру, волы-близнецы совместно с братьями-близнецами выполняли основную роль «в опахивании сёл для защиты их от повальных болезней (чумы и т. п.) и мора скота у сербов, болгар, македонцев, украинцев, белорусов, поляков, кашубов» [11, т. 1, с. 409], а «обряд защиты рогатого скота от мора и падежа, когда его прогоняли через вырытый в земле тоннель в горящий по обеим сторонам «живой огонь», назывался у сербов *Воловска богомолья* — «волове богомолье» [11, т. 1, с. 410]. Сербы верят: умывание ребёнка водой, собравшейся в ямке от копыта вола, принесёт исцеление от сглаза [11, т. 1, с. 503].

Устойчивая корреляция «вол — будущая урожайность» лежит в основе многочисленных обрядов и обычаев. Так, первая пахота и посев в славянской культурной традиции представляли собой ритуал с непременным участием вола. Например, «у болгар, сербов и македонцев после первой борозды катали круглый хлеб («питу») по пахоте, затем разламывали его на лемехе и закапывали первый кусок в землю, второй крошили для птиц, а третий давали В. (*волу* — Н. А.); остальное съедал пахарь, т. к. хлеб нельзя было возвращать домой» [11, т. 1, с. 410]. Думается, не последнюю роль в этой корреляции играло и понимание вола как домашнего животного, наделённого большой физической тягловой силой. Вспомним библейское: «Где нет волов, там ясли пусты; а много прибыли от силы волов» (Притчи 14 : 4).

Несмотря на сакрализацию *вола* в славянской культурной традиции, *чёрный вол* характеризуется амбивалентно. С одной стороны, *чёрный вол* или чёрные волы-близнецы, по народным представлениям, наделяются особой магической силой. К примеру, в Боснии, в Височской Нахии считали, что чёрный вол без пятен в семье (в доме) защищает от дурного глаза и порчи, а в Метохии сербы верили, что в с. Корица никогда не было чумы благодаря тому, что оно было опахано двумя чёрными волами-близнецами [11, т. 1, с. 409–410]. С другой стороны, *чёрный вол* в народных верованиях соотносится с негативными явлениями. В западной Белоруссии, например, крестьянин не начинал пахать чёрным волом: «добро згинена поли от дожджей», а в Герцеговине при сильном ветре говорили, что «в небе бьются здухи и что среди них можно увидеть чёрного В. (*вола* — Н. А.)» [11, т. 1, с. 410]. Чёрный бык в толковании снов — «неминуемая опасность, белый бык — болезнь, изнеможение» [11, т. 1, с. 274].

Корреляция «чёрный вол — несчастье», несомненно, объясняется ещё и негативной символикой чёрного цвета (ср. *чёрный глаз*, *чёрная болезнь* — «эпилепсия», *чёрная душа*, *чёрный день*, *чёрная кошка пробежала*) и уходит своими корнями в мировосприятие древнего человека, познававшего окружающий мир через архетипические оппозиции «чёрный — белый», «тьма — свет», «левый — правый», «добро — зло» и другие. Кроме того, фразеологизация горя, несчастья часто основана на восприятии их как чего-то неожиданного, непредсказуемого, метафорически переосмысливается как нечто тяжёлое, свалившееся на человека (вспомним большую физическую силу вола) и нередко вербализуется по структурно-семантической модели «свалиться / навалиться на кого»; свалиться / навалиться на кого (на плечи / на голову кому, чьи, кого)». Встречается и структурно-семантическая модель «[когда] + домашнее животное + действие, направленное на человека»: *когда жареный петух клюнет!* Вербализация корреляции «чёрный вол — несчастье» и сейчас встречается в русском языковом пространстве. Так, в электронной «Энциклопедии знаков и символов» находим выражение «Поймёшь, что к чему, когда чёрный вол на ногу наступит!» [2].

О культурной значимости концепта *чёрный вол* (*вал*) свидетельствуют русские и украинские фамилии *Черновалюк*, *Черноволенко*, *Черноваленко*, *Черновалов*, *Черноволов*, *Черновол*. Так, на интернет-портале «Вся Украина — жители» находим 1889 человек с фамилией *Черновол*, 256 с фамилией *Черноволенко*, 204 — с фамилией *Черноволов*, 128 человек с фамилией *Черновал*, 112 — с фамилией *Черновалюк*, 94 — *Черновалов*, 7 — *Черноволенко* [3].

Одним из лексических компонентов ФЕ *когда чёрный вал на ногу наступит*, транслирующих важную этнокультурную информацию, является компонент «нога». В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» находим следующую информацию: «Ноги — одна из наиболее мифологизированных частей тела; символизирует движение (хождение) и путь; получает мифологическое осмысление в силу своей причастности к материально-телесному низу человека и хтонической сфе-

ре» [11, т. 3, с. 422]. Ноги тесно связаны с подземным миром, со всевозможными несчастьями и даже смертью. К примеру, если, по народным представлениям, над головой человека витают ангелы-хранители, то в ногах «путаются дьяволы и другие демонические силы». А «если к ложу тяжелобольного человека являлись ночью мифические провозвестники судьбы (духи болезней, Смерть, Ангел, душа умершего родственника) и вставали в его ноги, то это было знаком неминуемой смерти» [11, т. 3, с. 422].

Ноги коррелируют с идеей жизненного пути человека, ср.: ФЕ *встать на ноги, стоять на ногах, слабость ногами*, а также *ноги подломились (подкосились)* ‘о слабом, больном человеке’, *стоять одной ногой в могиле, протянуть ноги, дёргать ногой* ‘агонизировать’ [11, т. 3, с. 424]. С этой точки зрения, семантика анализируемого нами фразеологизма проясняется; в расшифрованном виде её можно рассматривать как «неожиданное негативное влияние высших сил на жизненный путь человека».

Что касается ещё одного аспекта значения, закреплённого в украинской ФЕ и выявленного в интернет-статье «Крестьянское сословие», а также учитывая, что «мотивы и ритуальные практики с участием ног особенно актуализируются в переходных обрядах, соотносимых с идеей движения, перемены статуса» [там же], можно предположить, что *нога* в структурно-семантической модели ФЕ *когда чёрный вол на ногу наступит* (укр. *коли чорний віл на ногу наступить*) актуализирует в данном случае подавление продуцирующей символики — основы семейного благополучия. Ср. известные у славян обряды «подковывания» и «разувания» как метафоры брака, обряд «топтанья ногами» цветов, винограда и т. п., заключающий в себе эротическую и брачную символику и др. [11, т. 3, с. 423]. Автор интернет-статьи «Крестьянское сословие» А. Пирогова рассказывает о слышанной от бабушки песне, в которой поётся о судьбе молодой крестьянки, недавно ставшей матерью: «Работала она (крестьянка — Н. А.) как-то в поле, а люльку с младенцем на сук повесила неподалёку, да и забыла про неё, домой пошла. А как вспомнила, вернулась, увидела у люльки трёх нянек, трёх серых волков. Песня длинная, каждый куплет заканчивается на высокое ау-у-у, под неё целую корзину ягод собрать можно. «Как же она про ребёнка могла забыть?» — спрашивала я бабушку. «Устала очень. Жизнь была тяжёлая». Особенно в замужестве, о котором говорили: «Вот подожди, чёрный вол на ногу наступит и начнёт выкручивать» [10].

Выводы. В результате вышеприведённых данных, можно утверждать следующее:

1. Диалектный фразеологизм *чёрный вал*, зафиксированный в русских говорах Одесской области Украины, является усечённой формой ФЕ *чёрный вал на ногу наступит*, имеет восточнославянское происхождение и параллели в украинском языке (*як (мов, наче и т. п.) чорний віл на ногу наступив, чорний віл на ногу наступив* кому)

2. В основе внутренней формы фразеологизма лежит этнокультурное содержание его компонентов. *Вол* — важный символ славянской культуры, уходящий своими корнями в общинноевропейскую мифологию и играющий огромную роль в жизни и хозяйственной деятельности древнего славянина; сакральное и жертвенное животное у славян. Символика *вола* основана на очень древних архетипических представлениях, когда крупный рогатый скот был связан с небесными силами, грозвыми тучами и громом (русск. *Крикнул вол на сто сёл, на тысячу городов*, укр. *Стукотить, грукотить, черним волом, бовкуном*).

3. *Чёрный вол* в мифологическом мировосприятии древних славян воспринимался амбивалентно. С одной стороны, наделялся магической силой, с другой (у восточных славян) — ассоциировался с негативными явлениями — горем, несчастьем, неурожаем и т. п.

4. *Чёрный вол, наступивший на ногу*, ассоциировался также с незадавшейся семейной жизнью — большим и, как правило, непоправимым несчастьем в жизни славянина. Обряды, связанные с *ногами* как материально-телесным низом человека, часто соотносились с эротической и брачной символикой, поэтому можно предположить, что в данном фразеологизме закодирован один из его наиболее древних смыслов — подавление продуцирующей функции.

Л и т е р а т у р а

1. Большой толковый словарь донского казачества : Ок. : 18000 слов и устойчивых сочетаний / Ростов. гос. университет; Факультет филологии и журналистики; каф. общ. и сравнительного языкознания. М. : Русские словари ; Астрель ; АСТ, 2003. 608 с.
2. Бык // Энциклопедия знаков и символов. URL : symbolarium.ru/index.php/Бык (Дата обращения : 17.08.2018).
3. *Вся Украина — жители*. URL : nomer-org.life/allukraina (Дата обращения : 19.08.2018).
4. *Етимологічний словник української мови* : у 7 т. / Уклад. : Г. П. Півторак та ін. К. : Наук. думка, 1982. Т. 1. 634 с.
5. *Жайворонок В. В.* Віл // Знаки української етнокulturи : Словник-довідник. К. : Довіра, 2006. С. 95–96.
6. *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь : ок. 6000 фразеологизмов. 3-е изд., испр. и доп. / СПбГУ; Межкаф. словарный кабинет им. Б. А. Ларина. М. : Астрель ; АСТ : Люкс, 2005. 926, [2] с.
7. *КСРГО* — Картотека Словаря русских говоров Одесской области. Кафедра русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, 1956–2018.

8. *Мифы народов мира*. Энциклопедия [Электронное издание] / гл. ред. С. А. Токарев. М., 2008. 1147 с. URL : www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_0.pdf (Дата обращения : 19.08.2018).
9. *Национальный корпус русского языка*. URL : www.ruscorpora.ru (Дата обращения : 20.08.2018).
10. Пирогова А. Крестьянское сословие // Livejournal. URL : ana-pirogova.livejournal.com/90996.html (Дата обращения : 19.08.2018).
11. *Славянские древности*. Этнолингвистический словарь : в 5 т. / ред. Н. И. Толстой. М. : Международные отношения, 1995. Т. 1. 574 с.; 2004. Т. 3. 693 с.
12. Москаленко А. А. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одеса : ОДП імені К. Д. Ушинського, 1958. 77, [1] с.
13. Словарь русских народных говоров / ред. Ф. Г. Сороколетов. Л. : Наука, 1969. Т. 4. 357 с.
14. *СРГО* — Словарь русских говоров Одесщины / ред. Ю. А. Карпенко : в 2 т. Одесса : АстроПринт, 2000–2001.
15. Юрченко О. С., Леченко А. О. Словник стійких народних порівнянь. Харків : Основа, 1993. 176 с.
16. Степанов Е. Н. Одесские фразеологизмы в системе русской фразеологии // Мова. Одеса : Астропринт, 2005. № 10. С. 137–141.
17. Степанов Е. Н. Сценарная специфика региональной фразеологии // Мова. Одеса : Астропринт, 2017. № 28. С. 30–36. URL : <https://doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.115857>.
18. Степанов Е. Н., Самкова Т. Н. Украинско-русская лингвистическая интерференция и процессы формирования диалектной речи // Мова. Культура. Взаєморозуміння : Матеріали міжнар. наук. конф. Львів : Львівський ун-т ім. І. Франка, 1997. С. 376–380.
19. Степанов Е. М. Українські запозичення в лексиці та фразеології російського мовлення Одеси // Одеський лінгвістичний вісник : наук.-практ. журнал. Одеса : НУ ОЮА, 2015. Вип. 6. Т. 1. С. 99–104.
20. *Словник українських говорів Одещини* / ред. О. І. Бондар. Одеса : ОНУ імені І. І. Мечникова, 2011. 222 с.
21. *Словник фразеологізмів української мови* / уклад. В. М. Білоноженко та ін. К. : Наук. думка, 2003. 788 с.
22. Толстой Н. И. Язык и культура // Толстой Н. И., Толстая С. М. Славянская этнолингвистика : вопросы теории. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2013. С. 7–18.
23. *Фразеологический словарь русского языка* / сост. А. Н. Тихонов и др. 3-е изд., стереотип. М. : Рус. яз. ; Медиа, 2007. 334 [2] с.
24. Ужченко В. Д., Ужченко Д. В. Фразеологічний словник східнословобожанських і степових говірок Донбасу. 6-е вид., доп. й перероб. Луганськ : ДЗ ЛНУ імені Тараса Шевченка, 2013. 552 с.
25. *Фразеологічний словник української мови* / уклад. В. М. Білоноженко та ін. К. : Наук. думка, 1993. 984 с.

References

1. *Large Dictionary of Don Cossacks : about 18000 words and idioms* (2003) [*Bol'shoy tolkovyy slovar' donskogo kazachestva : okolo 18000 slov i ustoychivyykh sochetaniy*], Russian dictionaries : Astrel : AST, Moscow, 608 p.
2. «Bull» // *Encyclopedia of signs and symbols* / Byk. *Encyclopedia of signs and symbols* (2018) [«Byk», *Encyklopediya znakov i simbolov*], available at : symbolarium.ru/index.php/Byk (appeal date : 08/17/2018).
3. *All Ukraine — residents* (2018) [*Vsya Ukraina — zhiteli*], available at : nomer-org.life/allukraina (appeal date : 08/19/2018).
4. *Etymological Dictionary of Ukrainian Language : in 7 vol.* (1982) [Etymologichnyi slovnyk ukraiinskoi movy : u 7 t.], G. P. Pivtorak et al. (eds.), Naukova dumka, Kyiv, vol. 1, 634 p.
5. Zhayvoronok, V. V. (2006), «Ох», *Signs of Ukrainian ethnoculture : dictionary-directory* [«Vil», *Znaky ukraiynskoyi etnokultury : slovnyk-dovidnyk*], Dovira, Kyiv, pp. 95–96.
6. Birikh, A. K., Mokienko, V. M., Stepanova, L. I. (2005), *Russian Phraseology. Historical and Etymological Dictionary : about 6000 morphological units, 3rd ed., corr. and add.* [Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar' : ok. 6000 frazeologizmov], Interdepartmental Boris A. Larin vocabulary cabinet, St. Petersburg State Univ., Astrel, AST, Lux, Moscow, 926 [2] p.
7. *Card-index of Russian dialects of Odessa region Dictionary : collection of cards* (1956–2018) [*Kartoteka Slovary russkikh gorov Odesshchiny*], the Russian Language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University.
8. *Myths of Peoples of the World : Encyclopedia* (2008) [Mify narodov mira. Encyklopediya], S. A. Tokarev (ch. ed.), Moscow, 1147 p., available at : www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_0.pdf
9. *National Corpus of the Russian Language* (2018) [*Natsional'nyy korpus russkogo yazyka*], available at : www.ruscorpora.ru (appeal date: 08/19/2018).
10. Pirogova, A. (2018), «Peasantry», *Livejournal* [«Krestianskoe soslovie», *Livejournal*], available at : ana-pirogova.livejournal.com/90996.html (appeal date: 08/19/2018).
11. *Slavic antiquities. Ethnolinguistic Dictionary : in 5 vol.* (1995; 2004) [Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar' : v 5 t.], N. I. Tolstoy (ed.), International Relations Publ. House, Moscow, vol. 1, 574 p.; vol. 3, 693 p.
12. *Dictionary of Ukrainian dialects of Odessa region* (1958) [*Slovnyk dialektizmiv ukraiynskyykh govirok Odesskoyi oblasti*], A. A. Moskalenko (ed.), Odessa State K. D. Ushinsky Pedagogical University, Odessa, 77, [1] p.
13. *Dictionary of Russian Folk Dialects* (1969) [*Slovar' russkikh narodnykh gorov*], F. G. Sorokoletoev (ed.), Nauka, Leningrad, vol. 4, 357 p.
14. *Russian dialects of Odessa region Dictionary : in 2 vol.* (2000–2001) [Slovar' russkikh gorov Odesshchiny : v 2 t.], Yu. A. Karpenko (ed.), Astroprint, Odessa.
15. Yurchenko, O. S., Ivchenko, A. O. (1993), *Dictionary of stable folk comparisons* [*Slovnyk stiikykh narodnykh porivnian*], Osнова, Kharkiv, 176 p.
16. Stepanov, Ye. N. (2005), «Odessa phraseological units in Russian phraseology», *Mova / Language* [«Odesskie frazeologizmy v sisteme russkoy frazeologii», *Mova*], Odessa I. I. Mechnikov National Univ., Astroprint, Odessa, vol. 10, pp. 137–141.
17. Stepanov, Ye. N. (2017), «Scenario specificity of regional phraseology», *Mova / Language* [«Stsenarnaya spetsifika regional'noy frazeologii», *Mova*], Odessa I. I. Mechnikov National Univ., Astroprint, Odessa, vol. 28, pp. 30–36. URL : <https://doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.115857>.
18. Stepanov, Ye. N., Samkova, T. N. (1997), «Ukrainian-Russian Linguistic Interference and the Formation of Dialect Speech», *Language. Culture. Mutual Understanding: Materials of the International Scientific Conference* [«Ukrains-

ko-russkaya lingvisticheskaya interferentsyya i protsessy formirovaniya dialektnoy rechi», *Mova. Kultura. Vzaiemorozuminnia* : Materialy mizhnarodnoyi naukovoyi konferentsiyi, Lviv I. Franko Univ. Press, 1997. pp. 376–380.

19. Stepanov, Ie. N. (2015), «Ukrainian borrowings in the vocabulary and phraseology of the Russian speech of Odessa», *Odessa Linguistic Journal* [«Ukrayinski zapozychennia v leksytsi ta frazeolohiyi rosiiskoho movlennia Odesy», *Odeskyi lnhvistychnyi visnyk : nauk.-prakt. zhurnal*], National University «Odessa Law Academy», Odessa, no. 6, vol. 1, pp. 99–104.

20. *Dictionary of Ukrainian dialects of Odessa region* (2011) [*Slovnnyk ukrayinskykh govoriiv Odeshchyny*], O. I. Bondar (ed.), Odessa I. I. Mechnikov National Univ. Press, Odessa, 222 p.

21. *Dictionary of Ukrainian Phraseology* (2003) [*Slovnnyk frazeologizmiv ukrayinskoyi movy*], V. M. Bilonozhenko et al. (ed.), Naukova dumka, Kyiv, 788 p.

22. Tolstoy, N. I. (2013), «Language and culture», *Slavic ethnolinguistics : theoretical problems* [«Yazyk i kul'tura», Tolstoy, N. I., Tolstaya, S. M. *Slavyanskaya etnolingvistika : voprosy teorii*], Inst. of Slavic Philology, Russian Academy of Sciences, Moscow, pp. 7–18.

23. *Phraseological Dictionary of Russian Language* (2007) [*Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka*], A. N. Tikhonov (ed.), Russkiy yazyk, Media, Moscow, 334, [2] p.

24. Uzhchenko, V. D., Uzhchenko, D. V. (2013), *Phraseological Dictionary of Eastern Slobozhanshchyna and Steppe Dialects of Donbas* [*Frazeologichnyi slovnnyk skhidnoslobozhanskykh i stepovykh govirok Donbasu*], Lugansk Taras Shevchenko National University, Luhansk, 552 p.

25. *Phraseological Dictionary of Ukrainian Language* (1993) [*Frazeologichnyi slovnnyk ukrayinskoyi movy*], V. M. Bilonozhenko et al. (comp.), Naukova dumka, Kyiv, 984 p.

АРЕФЬЄВА Наталія Георгіївна,

кандидат філологічних наук, докторант кафедри російської мови, доцент кафедри мовної та загальногуманітарної підготовки іноземців Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; пров. Маяковського, 7, м. Одеса, 650082, Україна; тел.: 095 8663287; e-mail: n.arefieva@onu.edu.ua; ORCID ID: 0000–0002–4974–9157

РОСІЙСЬКИЙ ДІАЛЕКТНИЙ ФРАЗЕОЛОГІЗМ ЧЁРНЫЙ ВАЛ В ЕТНОКУЛЬТУРНОМУ ВИСВІТЛЕННІ

Анотація. Метою статті є визначення внутрішньої форми, етнокультурної значущості та шляхів виникнення російського діалектного фразеологізму *чёрный вал*, який зафіксовано в картотеці російських говорів Одещини. **Предметом** дослідження стала етнокультурна інформація, закодована в цьому фразеологізмі. **Методологічно** авторка спирається на сучасні розробки й основні положення етнолінгвокультурології, фразеології, діалектології та когнітивної лінгвістики. У підґрунтя дослідження покладено етнокультурний зміст компонентів фразеологізму. Залучуючи дані близькоспоріднених мов та, перш за все, української, авторка доходить **висновку**, що російський фразеологізм *чёрный вал* є усиченою формою фразеологізму *чёрный вал на ногу наступит*, має східнослов'янське походження та кодифіковані паралелі в українській мові. У **результаті** дослідження зроблено **висновки**, згідно з якими внутрішня форма фразеологізму зумовлена сакральною та жертвовною символікою *вола* у давніх слов'ян. *Чорний віл* у східних слов'ян символізував негативні явища: лихо, нещастя, неврожай і т. ін. *Чорний віл, який наступив на ногу*, асоціювали також із життям у родині, яке не склалося, а одним із найдавніших значень фразеологізму було пригнічення продукуючої функції.

Ключові слова: діалектний фразеологізм, російські говірки Одещини, етнокультурний зміст компонентів, культурний символ.

Natalia G. AREFIEVA,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of Linguistic and General Humanitarian Training for Foreigners, Odessa I. I. Mechnikov National University, 7 Mayakovsky lane, Odessa, 650082, Ukraine, tel.: +38 095 8663287; e-mail: n.arefieva@onu.edu.ua; ORCID ID: 0000–0002–4974–9157

RUSSIAN DIALECT PHRASEOLOGICAL UNIT *CHORNYI VAL* IN THE ETHNICAL AND CULTURAL DELIGHTING

Summary. The **purpose** of the article is to determine the internal form, ethnic and cultural significance and the ways of the emergence of Russian dialectal phraseological unit *chyornyy val*, found in the Card index of Russian dialects of Odessa region. The **subject** of the research is ethnic and cultural information encoded in this phraseological unit. **Methodologically**, the author relies on modern developments and scientific advances in the sphere of ethno-linguistic culturology, phraseology, dialectology and cognitive linguistics. The study was based on ethnic and cultural content of the components of the phraseological unit. Drawing on the data of closely related languages and, above all, Ukrainian language, the author comes to **conclusion** that *chyornyy val* is a truncated form of phraseological unit *chyornyy val na nogu nastupit*, has Eastern Slavic origin and codified parallels in the Ukrainian language. The study also **resulted** in conclusions according to which the internal form of the phraseological unit is associated with sacred and sacrificial symbolism of ox among the ancient Slavs. *The black ox* of the Eastern Slavs symbolized negative phenomena: sorrow, unhappiness, crop failure, etc. *The black ox* that stepped on feet was also associated with unsettled family life, and one of the oldest meanings of the phraseological unit was the suppression of the producing function.

Keywords: dialect phraseological unit, Russian dialects of Odessa region, ethnic and cultural content of components, cultural symbol.

Статтю отримано 19.10.2018 р.